

ИЗ НОВЫХ публикаций, посвященных обстоятельствам последней дуэли А. С. Пушкина и ее причинам, весьма любопытна воскрешенная В. Кожинным гипотеза о причастности известного дипломата Ф. И. Бруннова к составлению, а возможно, и оформлению пресловутого «диплома», спровоцировавшего дальнейшие трагические события.

КТО ЖЕ ОН, «ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ СТИЛИСТ»?

Гипотеза эта была предложена народным комиссаром иностранных дел СССР Г. В. Чичериным и сводится к следующему. Бруннов выполнял «заказ» своего патрона и покровителя К. В. Нессельроде либо его супруги; почерк и манера письма (Г. В. Чичерин был знаком с многими документами, составленными Брунновым) очень схожи с таковыми лица, писавшего «диплом».

Чтобы понять, почему Г. В. Чичерин был неколебимо уверен в авторстве Бруннова и убеждал в этом авторитетнейшего пушкиниста П. Е. Щеголева, почему эта гипотеза и сегодня не утратила своей свежести, следует иметь более полное представление о личности Ф. И. Бруннова, тех деталях его биографии, которые как-то проявляют характер взаимоотношений с Пушкиным, нравственный облик и даже эпистолярные возможности. Анализ такого рода сведений позволяет отказаться от восприятия соображений наркома иностранных дел как дилетантских и чисто умозрительных.

...Филипп Иванович Бруннов (1797—1875) происходил из курляндских дворян, детство его прошло в Дрездене, юность — в Лейпциге, где он окончил университет. Свою службу в ведомстве государственной коллегии иностранных дел барон Бруннов начал скромным актуариусом в 1818 году. Дипломатическую науку постигал под началом А. С. Стурдзы — петербургского и одесского знакомого Пушкина. Трудно предположить, что уже в 1818—1820 годах пути почти ровесников Бруннова и Пушкина не пересеклись на ограниченном пространстве столичных гостиных, театра.

Дипломатический опыт Бруннова постепенно растет, он неуклонно поднимается по служебно-иерархической лестнице: в 1821 году сопровождает А. С. Стурдзу в Лайбах, в 1822 году — Х. А. Ливена в Ганновер и Верону. 12 мая 1823 года в чине коллежского асессора Бруннов оказывается в формируемом штате нового генерал-губернатора Новороссии графа М. С. Воронцова. В одесской гостини Воронцовых (в этом особняке ныне размещается физический факультет Одесского университета), как сообщает Ф. Ф. Вигель, собиравший кружок в составе Ф. И. Бруннова, П. Я. Марини, О. С. Нарышкиной, А. Н. Раевского, И. Г. Сенявина, О. Р. Франка, в котором нередко бывал и Пушкин. Ссылный поэт встречался с Брунновым, понятно, и в других салонах, в канцелярии, театре, библиотеке Воронцовых. Во всяком случае он мог в достатке наблюдать набирающего силу чиновника и составить о нем вполне определенное мнение.

О какого рода столкновениях между ними в этот период может идти речь? В первой половине февраля 1824 года Н. С. Алексеев и И. П. Липранди прибыли в Одессу из Кишинева и около часу дня явились в гостиничный номер, занимаемый поэтом. Застали его пишущим в постели. Пушкин рассказал гостям о маскарade, состоявшемся накануне вечером у Воронцовых. Восторгался «нарядом» генерала И. В. Сабаньева: обычное убранство дополняли одни только пожалованные ему иностранные ордена — смехотворный реквизит. Рассердила его выходка Бруннова, обряженного червонным валетом: поднес Воронцовым рифмованный панегирик на французском, подкрепленный прозой из лстыивых уст.

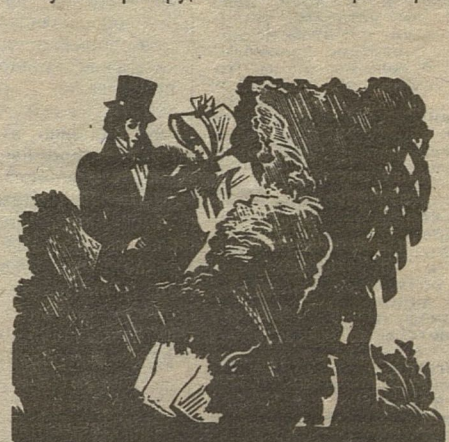
Вполне вероятно, что эмоциональный, прямой, бесхитростный поэт говорил что-нибудь подобное и самому Бруннову. Впрочем, ничто не дает нам оснований утверждать, будто последний был человеком мстительным, злобным. О его миролюбии, в частности, свидетельствует эпизод, упомянутый небезызвестным российским общественным деятелем графом А. И. Рибопьером (1781—1865).

В 1826 году Бруннов находился при нем в качестве секретаря — готовились к Аккерманской конференции. Одесскую резиденцию наших дипломатов посещали разные лица, в том числе петербургские знакомые Рибопьера генерал Лехнер и его супруга. «По отъезде нашем (Рибопьер на некоторое время оставил Одессу. — О. Г.), — писал граф, — супружеское счастье этой парочки стало помрачаться. Барон Бруннов начал ухаживать за генеральшей, а когда я возвратился в Одессу, раздраженный муж вызвал счастливого своего соперника на поединок. Однако поединок был отложен, и речь шла о разводе». Далее Рибопьер поведал забавную историю о реакции на этот адюльтер австрийского консула в Одессе, также близкого пушкинского знакомого фон Тома, человека добродушного и остроумного. Лело в том, что в устах госпожи Лехнер (в нее был «дурной шведский выговор») фамилия ее нового супруга произносилась как «пруноу» (то есть — чернослив). В этой связи фон Том и каламбурил: будучая баронесса, понимаете, читала Библию и знает, что яблоко было плодом заветным, но, видимо, не распознала, что и чернослив (prunus) — плод также недозволенный. Рибопьер вынужден был встречаться с Брунновым, и с Лехнером; он заметил, что оба вовсе не охотники драться. Тогда он и примирил их.

Здесь уместно прибавить: начавшаяся так экстравагантно, супружеская жизнь Брунновых была долгой и счастливой. Филипп Иванович очень любил жену. Кончина ее в 1873 году, писал один из его биографов, «нанесла ему тяжелый удар, от которого он уже не мог оправиться».

Только все это ожидало молодого, способного и удачливого дипломата в отдаленном будущем. Звезда его еще только восходила. Шла русско-турецкая война. В феврале 1828 года Бруннов занимает пост начальника канцелярии графа Палена, управлявшего тогда территориями, занятыми русскими войсками в низовьях Дуная. Адрианопольский договор, заключенный в сентябре 1829 года, был составлен поспешно и привел к нежелательным дипломатическим затруднениям. Разрешением этих неувязок занимался граф И. И. Дибич-Забалканский, в тезисной форме изложивший некоторые свои соображения по этому поводу Бруннову. Это был поистине звездный час будущего «гения дипломатии». Он не упустил случая и впервые во всем блеске сумел продемонстрировать специфический свой талант. Соображения Дибича он «изложил в блестящей импровизации на 12 листах, продиктовав ее безостановочно, гладко, как бы шутя». Текст привел в восторг даже выдавших виды дипломатов. А. Ф. Орлов рекомендовал Бруннова самому императору; по его же протекции

Бруннова назначили управляющим дипломатической канцелярией в Константинополе. Так началась его блестящая карьера, которой можно было бы говорить достаточно долго и красочно. Для нас важно иное. Всегда и на всех постах (прежде всего в ходе многолетней деятельности в качестве русского посланника при сент-джеймском дворе) Бруннов выделялся как глубокий знаток международных отношений с широким политическим кругозором, мастер вести переговоры самого высокого уровня. По свидетельству современников, это был человек эрудированный, прекрасно образованный, проницательный, с тонким, насмешливым умом.

«Я помню чудное мгновенье...»
Гравюра на дереве Александра БАКУЛЕВСКОГО

Особенно славился Бруннов необыкновенным талантом стилиста и редактора (интересно, что он одно время даже редактировал газету «Одесский вестник»). Умел составить всякий документ, договор, письмо от имени любого заказчика, моментально ухватывая не только самую идею, но и тональность составляемой бумаги. Можно говорить о прямо-таки уникальных способностях Бруннова на этом поприще. Он свободно владел языком Стурдзы, Ливена, Воронцова, Рибопьера, Палена, Дибича, Орлова, Нессельроде и самого Николая Павловича. Это была, если хотите, невероятно тонкая сурдина, феноменальный чревовещатель. Бруннов много лет специально занимался редактированием дипломатических нот при К. В. Нессельроде, с которым у него сложились самые близкие, приятельские отношения (они, кстати говоря, были земляками). Идеальный конформист, Ф. И. Бруннов, будучи членом главного управления цензуры от министерства иностранных дел, приложил руку к закрытию журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф», о чем упоминается в дневнике Пушкина (1834 г.).

Осенью 1836 года — как раз в интересующее нас время — Бруннов также находился в Петербурге при вице-канцлере. Нельзя не остановиться на некоторых моментах, характеризующих стилистику «поэта политической переписки». Современники говорят об умении его приносиваться к взглядам того лица, которому он писал; о «своеобразных кратких фразах, пластичных, будто выточенных, по которым можно и без подписи узнать Бруннова...». Еще важный момент: «Писал (Бруннов. — О. Г.) очень четко, очень редко поправлял уже раз написанное и при этом никогда не вычеркивал, а аккуратно выскабливал и гордился искусством скоблить».

Резюмируя изложенное, акцентируем внимание читателя на узнаваемости брунновского письма, как стилистической, так и графической. Именно это делает гипотезу Г. В. Чичерина, хорошо знакомого с эпистолярным наследием Бруннова, весьма и весьма убедительной.

Что касается нравственного облика героя нашего повествования, впечатления самые противоречивые. Идеальный конформист... Да. Но дипломату непросто быть иным. Тем более, если ты таков и в

смысле житейском. Не стоит забывать еще и то, что Бруннов проявлял большую твердость и не шел ни на какие уступки, когда дело касалось интересов России. Да, он делал карьеру. Но мы не знаем примеров, когда бы цель достигалась грязными средствами — наветами, фискальством. Кредо Бруннова было иным: плохи убеждения, не схожие с убеждениями командиров, а потому служи верно, преданно, умеи понимать с полуслова, с полувзгляда — вот путь к успеху. Этим правилам он следовал неукоснительно.

По-разному характеризуют его и современники. П. А. Вяземский видел Бруннова в 1858 году в Ораниенбауме: «...Он был пластроном великих княгинь и фрейлин. Сказывают, что эту же роль играл он в Одессе при дворе кн. Воронцова». А отзыв, скажем, князя Горчакова о Бруннове весьма благоприятный.

Еще один момент. Не так давно мне случилось воссоздавать историю другого одесского пушкинского знакомца — Карла-Генриха Монтандона («Литературная Россия», 10.02. 1989 г.), который «увел» супругу у медика П. И. Ланга. Подумалось было, что случай этот беспрецедентный: обошлось без дуэли, хотя «обиженный судьбиной» Ланг настроил донос на Монтандона и отправил самому Бенкендорфу. Теперь вот история повторяется с Брунновым и Лехнерами. И снова обходится без дуэли. Поединок состоялся лишь в третьей истории — истории гибели Пушкина...

Неужели же так часто и так легко расстраивались аристократические браки в первой четверти XIX столетия? Может быть, если дело касалось носителей европейской культуры в России, более демократичной и все-таки более практичной, даже деловой в данном вопросе? Сам факт примирения Бруннова и Лехнера, как и ряд других, позволяет в определенной мере согласиться с утверждением одного из современников Филиппа Ивановича, что хотя Бруннов «усердно служил интересам русской дипломатии, но русским нравам, русскому образу жизни он далеко не сочувствовал».

Портрет Ф. И. Бруннова работы П. Бореля, помещенный в журнале «Древняя и Новая Россия», запечатлел импозантного, но еще молодого и красивого человека: правильные черты лица, большие выразительные глаза, высокий лоб, хорошая осанка, безупречный костюм с орденом на лацкане...

Кто же вы, Филипп Иванович Бруннов?

Остается надеяться, что графологическая и текстологическая экспертизы позволят окончательно подтвердить подозрения Г. В. Чичерина или же реабилитировать «выдающегося стилиста». Помимо бумаг из центральных архивов при их проведении непременно следовало бы задействовать малоизвестные, а возможно, пока еще и не выявленные автографы Ф. И. Бруннова из Одесского облгосархива.

Олег ГУБАРЬ.
член Союза журналистов СССР
ОДЕССА